

Анатолий Агарков

ПРИЗРАК ЗАБРОШЕННОГО ДОМА

Самым непонятым в нашем мире
является то, что он все-таки понятен
(А. Эйнштейн)

Анатолий Агарков

Призрак заброшенного дома

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31188241
ISBN 9785449063687*

Аннотация

Нет заброшенного дома без призрака ночного. Поверьте мне, как пострадавшему. Я эту тему изучил вдоль и поперек. Не то чтобы охотился за ними, но... вот увлекало – было время. В старую-престарую церковь ночью лазил, чтобы гроб летающий увидеть, упырей и вурдалаков – все, как в фильме «Вий». В полнолуние на кладбище ходил... Господи! Но в этом доме случай был... Гоголь отдыхает. Нет, правда, такого не придумать – такое может только быть. Читайте, трепещите, пилюли пейте на ночь...

Содержание

1	5
2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Призрак заброшенного дома

Анатолий Агарков

*Самым непонятным в нашем мире является то,
что он все-таки понятен.*

(А. Эйнштейн)

© Анатолий Агарков, 2018

ISBN 978-5-4490-6368-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

На сыпучем взгорке внутри подковы села сумерничают две фигуры. Вечерняя синь сворачивается, густеет, запекается чернотой, и трудно отличить, кто из двух девушка, а кто – плечистый парень. За первой звездой вызрела вторая, третья, и потянуло сыростью.

Девушка недовольно поводит плечами, словно отгоняет озноб:

– Слышь, Дань, похолодало. Тебе тоже, небось, зябко?

Он снял с себя пиджак и надел на нее.

Она была очень смешная в этом одеянии – из рукавов виднелись только кончики пальцев. Девушка высоко поднимала руки, чтобы рукава упали.

Даниил чувствовал, как она отогревается у него на груди и становится все более кроткой. Он поцеловал сначала ее глаза, потом губы – они пахли парным молоком и свежим хлебом.

– А ты смерти боишься? – спросила она неожиданно.

– Нет.

– А я боюсь. Все вижу, как меня хоронят, и хочется, чтобы было много народу, и чтобы говорили обо мне разные хорошие слова.

Им хорошо было сидеть рядом, их колени смыкались.

Как всегда она повелевала:

– Ну что ты так просто смотришь – поцелуй меня.

Или:

– Мне холодно – дай мне в рукав твою руку. Ой, какая она добрая!

Или ещё:

– Ты сидишь от меня далеко, подвинься ближе.

А потом:

– Ну, хватит обниматься, пойдём погуляем.

Он делал все, что она хотела, делал и смеялся. Ему нравилось, что есть на свете человек, который им повелевает. Он привлек ее и ощутил, как она ладно слеплена – шея, руки, плечи, округлые и неожиданно хрупкие.

А ночь давала о себе знать. Где-то над головой шумела листва невидимых в темноте деревьев. Откуда-то издалека доносился тревожный крик совы. Налетел ветер и медленно растер все звуки. Небо оторвалось от земли, кое-где даже посветлело. Смолкли шумы вечера. Стало теплее, тише и спокойнее.

– А я тебя не отпущу домой, если даже будешь просить, – сказал Даниил, воодушевленно обхватив плечи подруги. – Да, да, если даже придет твоя мама, все равно не отпущу.

– Мама... – произнесла девушка так, будто все было за какой-то далёкой гранью, где начинается нечто призрачное, что, быть может, существует, а возможно, создано воображением.

Молча шли и слушали, как мягко шумит ветер листвою,

и перекликаются во сне птицы. И все, казалось, отступило куда-то прочь, и села, большего села нет рядом.

– У тебя нет ощущения счастья? – спросил он.

Она дотянулась губами до его губ.

– Я хочу, чтоб оно у меня, было, – сказала она.

Мягкость неба и тихо засыпающей земли, нерезких, но необъяснимо тревожных запахов и теплого ветра обняли их. Село спало, но тишина была и приятна, и чуть тревожна.

За околицей небо было нетускнеющим, и белесые полуночные сумерки разлились над полем. Земля давно остыла от полуденного зноя, дышала холодной свежестью, а повсюду в стороне, отступая от дороги, где днем поблескивали солончаки, поле было мягким, серо-пепельным.

Они пересекли дорогу, и пошли по траве. Она была молочно-зеленой от росы, и там, где они ступали, оставался темный след. Ноги стали влажными, и туман обнял их, но они не чувствовали ни холода, ни влаги. Где-то вдаль невысокой и прозрачной черточкой темнел лес.

– Я весь день работала, – вдруг произнесла она, – весь день. И ждала тебя, чтобы пойти на озеро. Пойдем?

Они шагали по большому лугу, огибая околицу. А потом дошли до озера, и он оставил ее на круче, а сам поспешил к поваленному дереву у воды. Разделся и поплыл – поплыл быстро, сильно работая руками.

– Вода холодная? – крикнула она.

– Нет, совсем теплая! Теплая! – отозвался он.

Она сбросила с себя платье, легко ступая, бесшумно вошла в воду.

– Нет, не теплая! – сказала она, – не тёплая, а хорошая.

Он вынырнул рядом с девушкой и коснулся ладонью ее спины.

– Ну, говори – останешься со мной до утра или нет? Говори!

Она засмеялась и устремилась к берегу. А он настиг ее и, взяв на руки, погрузил в воду, а потом бережно приподнял и снова погрузил.

– Катя... Катя....

Они выбрались на берег. Вода сберегла дневное тепло, не хотелось из нее выходить.

Он натянул на мокрое тело штаны и рубашку и побежал к темневшему невдалеке строению, не дожидаясь ее.

– В домик, там тепло! – позвал Даниил.

– Там призрак!

Он не расслышал.

– Приведение там! – крикнула она громче. – Призрак!

– Если там даже черти, я всё равно пойду.

Она нагнала его, когда он входил в открытую дверь давно покинутого хозяевами дома. Здесь было сухо и тепло.

Где-то на чердаке хрустнул шлак.

– Призрак! – засмеялся он.

Катя протянула руку, нащупала горячую ладонь Даниила.

– Будь рядом – я боюсь. Иди ко мне ближе.

Он обнял ее. Платье еще было влажным.

Они прошли в комнату к пустующему проему окна. Тут было еще теплее, чем у порога.

– Здесь сядем, – сказал он и, бросив пиджак на подоконник, сел, привалившись к косяку.

Она села рядом.

– Теперь понятно, почему здесь водятся призраки. Как тепло!

– Да, тепло, – сказала она и зябко повела плечами. – Дай мне руку.

Она подвинулась к нему, приникла щекой к его груди. Он вздохнул. Она приподнялась и схватила его шею. Ее волосы упали ему на лоб. Напитанные водной свежестью, они стекали то лицу, застилали глаза. И будто горячий поток ворвался в его грудь и растекся по телу...

Немного позже, когда они затихли в легкой и радостно полудреме, он вдруг шепнул:

– Мне кажется, кто-то ходит по чердаку.

– Кто?

– По-моему, призрак, – улыбнулся он.

Она уткнулась ему в грудь и притихла испуганная. Что-то пискнуло, пролетело над головой, обдало потоком холодного воздуха.

– Летучая мышь, – не увидел, догадался Даниил.

Было поздно – от озера тянуло прохладной сыростью, и звезды в проеме окна укрупнились, мерцали пронзитель-

ней, точно их обмыло к полуночи упавшим с неба туманом.

В тишине, нарушаемой лишь спокойным и приглушенным звоном цикад, девушка первой что-то уловила, завертела головой, прислушиваясь. Однако Даниил, тоже встревоженный ее поведением, ничего не слышал. Катя всматривалась в сажную темноту избы, напрящаясь всем телом. В этот момент и он наконец уловил посторонние звуки в непроглядном нутре дома. Почудилось, кто-то тихо, часто ступая, шел по чердаку – похрустывание шлака доносилось с каждым шагом отчетливей.

Пресеченный шепот Даниила протек ей в ухо:

– Кажись, сам призрак жалует.

Скрипнула половица в соседней комнате. Вглядываясь и прислушиваясь, Катя ощутила, будто сердце ей притиснули к грудной клетке. И, пересилив растекающуюся по телу немощь, она переместила ноги за окно на завалинку.

Даниил, весь тоже сжавшись, смотрел в темноту и молчал, будто невзначай приключилась с ним немота. Темень теперь казалась ему столь плотной и непривычной, ровно бы с такой никогда не только не сталкивался, но и не мог даже представить: коли глаз – не сморгнул бы. У него неизвестно почему возникло

смутное представление, что изба, в которой они притаились, не просто уютится на отшибе, а стоит совершенно одиноко, и нет рядом села – такая мертвая тишь вдруг обуяла округу..

– Катя! Катя, престань! – Даниил круто повернулся, лицо его оказалось совсем рядом – посеревшее, сжатое. Прохладный ветерок, легко проникающий в дом, шевелил его волосы, но парень не чувствовал сквозняка – липкий пот страха струился по телу, губы мелко начали дрожать. – Чего испугалась?

Он встал. Бесшумно потоптался на месте, потер вспотевшие руки, заставил себя сделать несколько шагов от окна, прислушался. По-прежнему было тихо, так тихо, что он слышал частые толчки своего сердца и шум дыхания. Сделал еще несколько шагов и опять прислушался. От страха или от волнения постукивали зубы, и он до боли сжал челюсти.

На чердаке кто-то прыгнул – с потолка посыпалась труха.

И тут они услышали вой – бессловесный, нечеловеческий вой, от которого стало жутко на душе.

– Даня! – испуганно закричала девушка, отскакивая от окна.

Парень метнулся на голос, под ногами у него загремела незакрепленная доска – он неловко упал и застонал...

Катя ждала во дворе и встретила так, будто не чаяла увидеть больше. Она схватила его за руки:

– Дань, тебе плохо? Я так испугалась! Пойдем отсюда быстрее.

Она действительно была напугана. Он видел это. Наверное, и его чувства отразились у него на лице, так как она потупилась и слегка отступила.

– Ничего, – сказал Даниил, опираясь на ее плечо и слегка прихрамывая при ходьбе. – Всё нормально. Правда, я отведал шутку призрака. Это было не слишком приятно.

– Он напал на тебя? Почему ты хромаешь?

Он покачал головой:

– Нет. Я никого не видел, но там кто-то есть.

2

Невеселый – хмурый и заплаканный занялся день. Утро сейчас или вечер не разобрать – вокруг серо и сумрачно, низко нависли тяжелые, как налитые свинцом, облака. Лишь лужайка за околицей пестреет цветами, радует глаз.

Много красивых мест в округе. С колокольни старой церкви далеко по обеим сторонам шоссе поля видны как на ладони, все простроченные проселками, расцвеченные яркой, сочной зеленью кукурузы и желтоватой проседью созревающей ржи. Вдали у горизонта, где темнеет зубчатая стена леса, серебрится водная гладь большого озера. Меньшее – рядом с селом, за дорогой. На берегу – старый дом и развалины подворья по самую крышу затянутые бурьяном.

Каждый вечер, как только стемнеет, в развалинах кричит сова. Старый охотник Тарас Согрин, живущий по соседству, не раз кружил здесь с ружьем, но ему никак не удавалось выследить и убить зловещую птицу.

А вокруг дома творились удивительные дела. Про него ходили различные небылицы, которые со временем обрастали жуткими подробностями. Говорили о разгуливающих по двору мертвецах, об их оргиях в пустующем доме, о Желтом Призраке, убивающем людей, и тому подобной чепухе. Особенно страшно звучали рассказы о мифическом приведении. Говорили, что это никакая не выдумка, что призрак

на самом деле живет в заброшенном доме, и даже в деталях описывали его внешний вид. Немало нашлось очевидцев, которые утверждали, что он действительно желтого цвета и глаза у него светятся в темноте. Это наблюдали шоферы, возвращавшиеся в деревню ночью и с шоссе освещавшие фарами мрачное подворье.

Досужей болтовне верили и не верили, и все-таки желающих заглянуть в этот дом не находилось. Дальше калитки в заброшенный двор не шла злая, черная как уголь, собака Тараса, скулила и лаяла, вертясь в ногах – пойди, узнай, с чего это подхватила она в светлый день.

– Кто там? – встревоженный поведением пса останавливался хозяин.

А потом говорил соседям:

– Многое, очень многое повидали наши лунные ночи с тех пор, как опустел этот проклятый дом.

Поросшее редкой растительностью лицо его в этот момент напоминало плохо ощипанную куриную тушку, а на носу красовались очки, назначение которых никто не мог понять. Много бессонных ночей провел Тарас, думая об этом доме и его дурной славе, но каждый раз заходил в тупик.

Однако нужда житейская брала верх над предрассудками. Вода в большинстве сельских колодцев не годилась для питья, а у заброшенного дома в старом, давно нечищеном – была холодной, вкусной, будто родниковой, которая, казалось, мертвого могла оживить. Хаживал туда и Тарас Согрин.

В это утро он проснулся рано от беспричинного чувства тревоги, смутного ощущения опасности что ли. Походив по усадьбе и убедившись, что в хозяйстве все в порядке, понял, что его беспокойство шло изнутри, из глубины сознания.

Предчувствие скверного отравляло душу. Тем не менее, Тарас натянул на плечи зеленый коробившийся плащ, подхватил, отполированное до чёрного блеска коромысло, ведра и пошел печатать новыми кирзовыми сапогами следы на пыльной тропке. По пути встретил сторожа колхозной заправки Волнухина с вздувшейся щекой, повязанной жениным красным платком, остановился:

– С какого фронта топаешь, Митрич?

– С дежурства. Вторые сутки зубами мучаюсь. Флюс.

– Флюс – пустяковое дело, переболится.

Со сторожем Волнухиным у Тараса были непростые отношения. Иногда ему казалось, что злее человека, чем Андрей Дмитрич, трудно отыскать на белом свете. Иногда Волнухи производил такое сердечное впечатление, что хотелось общаться с ним, не расставаясь..

– А все ли у тебя ладно?

– Всё в порядке, – ответил Тарас, поднимая коромысло на плечо.

– А чего не спится?

– Старуха не даёт.

– Понятно. По воду значит? – Волнухин выплюнул недо-

куренную папиросу, наступил на неё носком сапога, взглянул исподлобья, поморщился от неуёмной боли.

– Слыхал сегодня?

– Чего слыхал? – насторожился Тарас. – Может беда какая?

– Беда тут известная, – ответил сторож. – Кто-то ночью в дом залез, а там как затрубит.

– А ты как узнал? С того берега-то?

Ничего не ответив, Волнухин повернулся к заброшенному дому и поманил за собой Согрина.

Тот взволновался:

– Сейчас пойдем? Или погодим?

Шагая за спиной Волнухина, Тарас спросил:

– Так ты все дружка своего караулишь? И днем, стало быть, и ночью.

– А как же, – ответил сторож. – Приходится вроде как в прятки с ним играть. Однако он увертливее оказался, чем я полагал.

– А пойдем, поищем этого твоего крестничка, хоть весь дом перевернем, – предложил Тарас. – Нам-то с тобой все равно времени не занимать, а если изловим этого гада, будет что людям рассказать.

– Ты чегой-то такой отчаянный стал? – покосился Волнухин и покачал головой. – Странно.

– Дак ведь соседи ж. По ночам я частенько оттуда разные звуки слышу.

Наискось тропинкой пересекли огород, заросший лопухами и крапивой. У колодца Тарас оставил ведра, и вместе с задов подошли к подворью.

Когда-то здесь были овин и омет – сараи для соломы и мякины. Теперь ничего этого не было, осталась только обвалившаяся яма, заросшая чуть ли не в рост человека репейником и крапивой, да кое-где торчали замшелые столбы.

И во дворе их взору предстали явные приметы запущенности – черные проемы окон без рам, лишь одно скалилось разбитыми стеклами. Калитки не было. Над тыном чернело голое сучье засохших вишен. Все сплошь заросло густой, поколело лебедой. Дом был давно покинут, и, видать по всему, тихо умирал на ушедшем в землю щербатом фундаменте.

Вдруг ветер нашелся в пространстве, упал на обветшалую, всю в прорехах крышу, загудел протяжно и выкинул, через чердачное окно щепотку белого пуха, который закружился, закружился, мягко оседая на землю. Над колокольной раскричались встревоженные грачи. Волнухин приостановился.

– Вот говорят, что ведьма черту душу отдала, а перед смертью ищет силушку свою черную кому передать. Не найдет, так вот и бродит по таким развалинам, – он кивнул на угрюмое строение, и его хворое жалобное лицо искривила гримаса.

Остановился и Согрин:

– День-то какой у нас?

– Духов...

– То-то, что Духов... А куда пришли-то, смекай... В старину, помнишь, говорили:

...«воскресение мертвых в памяти в духе перво-наперво будет, ... придут к нам покойники полдничать...», – лицо его стало бледным.

Запугав друг друга, старики остановились среди двора, поглядывая по сторонам.

– Так и враг человеческий, – продолжал Волнухин, – любит быть по таким местам.

– А мы, Андрей Митрич, так и понимаем, мы што против него – ништо.

Согрин готов был перекреститься и сплюнуть через плечо. На душе у него было погано – ночное беспокойство еще усилилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.